

Владимир Евгеньевич Солодихин

От Сталина до Горбачева. Откровения генерал КГБ. Интервью

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Владимир Солодихин

**От Сталина до Горбачева.
Откровения генерала КГБ
СССР. Интервью-сенсация**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Солодихин В. Е.

От Сталина до Горбачева. Откровения генерала КГБ СССР.
Интервью-сенсация / В. Е. Солодихин — «ЛитРес: Самиздат»,
2018

Сенсационное интервью генерал КГБ СССР в отставке. В интервью рассказывается об убийствах Сталина и Фрунзе, Суслова и Брежнева. Раскрывается загадка Новочеркасской трагедии, "бриллиантового дела", заговора Троцкого и многих других тайн истории. Читатель узнает о побеге Гитлера в Аргентину в 1945 году и жизни шефа Гестапо Мюллера в СССР после окончания Второй мировой войны. Генерал откровенно рассказывает о приходе к власти Горбачева и роли в этом КГБ и ЦРУ. А также многое другое. Оставляю на суд читателя вопрос о правдивости рассказа генерала. Лично я сильно сомневаюсь во многом, что он рассказал. Однако дыма без огня, как известно, не бывает. Содержит нецензурную брань.

Содержание

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТАЙНЫ СТАЛИНА	9
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПРОКЛЯТАЯ КВАРТИРА	11
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЗАГОВОР ТРОЦКОГО И Я	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Владимир Солодихин

От Сталина до Горбачева. Откровения генерала КГБ СССР. Интервью-сенсация

СТРАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

В уже далеком 1995 году моя будущая жена, Тамара Николаевна К., работала заведующей библиотекой в городе Одесса независимой уже тогда Украины. Несмотря на независимость страны, население ее южного города все еще поголовно разговаривало на русском и читало, естественно, тоже.

Стоял жаркий июль месяц, и посетители не жаловали своим вниманием храм книги. Часто бывало, что за целый день не приходил никто, и библиотекари (симпатичные юные девушки во главе с моей будущей женой), изнывая от жары (кондиционеров не было), доблестно страдали, с завистью поглядывая из окна на идущих на море отдыхающих.

Тем большее удивление (я бы даже сказал потрясение) испытали библиотекари, когда к ним регулярно стал наведываться странный посетитель.

Это был высокий седой старик с властным и в тоже время будто смеющимся взглядом. Одет он был явно не по погоде: в потертую кожаную черную куртку (такие, кажется, носили комиссары во времена революции) и армейские брюки с генеральскими лампасами. На ногах – шлепанцы. На шее висел большой православный крест, как у священника.

Приходил он всегда точно к открытию и однажды сделал резкий выговор одному библиотечнику, который опоздал минут на пятнадцать.

Не снимая кожаной куртки и не расстегивая ее (никто так и не узнал было ли под ней еще что-то или он носил ее прямо на голом теле), старик брал подшивку старых советских газет, надевал очки и углублялся в их изучение вплоть до закрытия. Ровно за минуту до окончания рабочего дня, когда все библиотекари с ненавистью смотрели на своего единственного клиента, мечтая поскорей свалить с работы, старик вставал, привычным движением одергивал куртку, поправлял православный крест и, вежливо попрощавшись, медленно, опираясь на палочку, направлялся к выходу.

На четвертый или пятый день его посещений моя будущая жена не выдержала и начала с загадочным посетителем разговор.

Вначале старик на все ее о себе расспросы лишь улыбался, отвечая односложно «да» или «нет». Однако от нее оказалась не так просто отделаться, и вскоре она его разговорила.

Когда старик уехал домой в Москву (закончилась его путевка в доме отдыха), в ее руках осталась кассета с записью его откровений. Часть из них представляли из себя поистине сенсационные рассказы из истории борьбы за власть во времена Советского Союза.

Не зная, что делать с этой кассетой, она отнесла ее своей непосредственной начальнице, руководителю библиотечной системы Одессы. Умудренная опытом пожилая женщина (она долгое время работала редактором на Одесской киностудии) прослушав запись, предложила ее немедленно уничтожить или отложить в долгий ящик, пока «не придет время».

– Не связывайся с этим делом! – подливая чай, советовал многомудрый руководитель. – Времена сейчас, конечно, демократические, но за такое в любые времена могут убить и закопать там, где никто не найдет!

Моя жена вняла советам руководства и спрятала кассету среди других своих магнитofонных записей, постаравшись прочно забыть о ней.

Время шло. Украина все больше национализировалась, читать русские книги становилось не только не модно, но даже опасно для жизни, библиотеки захватывали под свои штабы уличные хулиганы, которые стали называться патриотами, а моя будущая жена была вынуждена перебраться в Россию, где я с ней познакомился.

Разбирая однажды ее архив, я нашел эту кассету. Пленка была уже очень старой и, можно сказать, сыпалась в руках. Однако мне удалось расшифровать большую часть записи. К сожалению, мой старый кассетник не выдержал, в конце концов, порвал пленку. Кассету пришлось выкинуть.

Тем не менее, в моих руках осталась расшифровка записи, которая, по моему мнению, является самой настоящей сенсацией.

Старик представился генерал-майором КГБ СССР в отставке Ковновым или Говновым (пленка в этом месте плохо сохранила его голос). Зовут его, Александр Николаевич (хотя сам старик во время интервью признался, что это не его настоящее имя, которое он предпочел скрыть).

Публикуя текст его интервью, я позволил себе лишь слегка отредактировать его: убрать пошлые шуточки генерала и его совсем уж грязные намеки.

Также я позволил себе разбить рассказ генерала на несколько частей в зависимости от периода истории, о котором он рассказывает. В разговоре генерал мог начать о Сталине, сбиться на Горбачева и приплести Брежнева с Хрущевым, так что, слушая пленку, у меня создавалось впечатление, что все они жили в одно время и в одном месте. Мне пришлось несколько упорядочить откровения генерала, чтобы не запутать читателя. В остальном его рассказ остался нетронутым.

Оставляю на суд читателя вопрос о правдивости рассказа генерала. Лично я сильно сомневаюсь во многом, что он рассказал. Однако дыма без огня, как известно, не бывает.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КАК БУДУЩИЙ ГЕНЕРАЛ НА СЛУЖБУ ПОПАЛ

– Александр Николаевич! Ваш долгий жизненный путь связан с обеспечением государственной безопасности. Расскажите, пожалуйста, о начале вашей профессиональной карьеры. Как вы попали на службу? Я так поняла, что это произошло в 1918 году, т.е. вы были у истоков создания спецслужбы?

– До поступления в органы я успел проработать почти полгода священником.

– Очень интересно. Вы были верующим человеком?

– И был, и остаюсь. Через всю свою жизнь, а в сентябре мне исполняется девяносто пять лет, я пронес глубокую непоколебимую веру в Господа нашего Иисуса Христа. Хочу заметить, что только благодаря этой вере мне удалось преодолеть все жизненные трудности, все войны и революции, все тяжелые испытания, выпавшие на мою долю в двадцатом веке. Сейчас я помолюсь, и мы продолжим.

– Скажите, Александр Николаевич. Вот вы глубоко верующий человек. Знаете молитвы и молились сейчас на моих глазах почти час. Почему вы тогда покинули церковь в 1918 году и пошли на службу в ЧК? На какой-то момент разуверились в бога? Стали марксистом? Пове-рили Ленину?

– У тебя вопросы прыгают, как блохи на горячей сковороде. Я – человек солидный. Буду отвечать по порядку. Начнем с того, что сам я из семьи священнослужителей. Мой прадед и дед были дьяконами в одном сельском храме, а отец – православным священником. Кстати, он был однокурсником товарища Сталина в Тифлисской семинарии, что сыграло впоследствии ключевую роль в моей судьбе. Я тоже был рукоположен в священники в сентябре 1917 года. Работал в одном селе недалеко от Рязани. Работал неплохо, но, как говорится оказался не в

том месте и не в то время. В феврале 1918 года в мою церковь пришли крестьяне (в основном вернувшиеся с войны фронтовики), и пинками выгнали вон. В церкви сделали себе танцевальный и политический клуб. Так я остался без работы и без всяких средств к существованию. Несколько месяцев маялся без дела. Ходил по селам и побирался. Как ты понимаешь, для молодого человека – это очень тяжело. Милостыню мне давали неохотно. В основном ругались, чтобы я шел работать. Я бы пошел, но делать руками ничего тогда не умел, как, впрочем, не умею и сейчас.

– Как же вы попали в органы?

– Внутренне я себя тогда чувствовал, не побоюсь такого сравнения, как Иисус Христос на кресте. Жрать было нечего. С каждым месяцем милостыню давали все неохотней. Летом 1918 года началась гражданская война, и меня запросто могли загрести в армию. Пораскинул я мозгами и понял, что у меня есть только два пути: либо идти в секретари коммунистической партии, либо в чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией.

– Почему именно туда?

– А что лучше в армию, где запросто могут убить?

– В ЧК риска было меньше?

– Чекист чекисту рознь. Конечно, оперативникам приходилось участвовать в перестрелках с контрреволюционерами. Но мы, следователи, этим не занимались. Максимум, что могло случиться – это какой-нибудь арестованный буйный попадался. Но я таких быстро успокаивал.

– Выполняя работу чекиста, вам не пришлось поступаться своими религиозными убеждениями?

– Богу богово, а кесарю кесарево.

– Скажу конкретней. Вам не приходилось принимать участие в закрытии церквей, конфискации церковного имущества, арестах священников?

– Боже упаси!

– Но ведь в двадцатые-тридцатые годы этим активно занимались ваши коллеги. Учитывая ваши религиозность, не возникало у вас с ними корпоративных конфликтов?

– Без ложной скромности могу сказать, что благодаря мне православной церкви удалось сохранить несколько десятков старинных мироточивых икон! Среди сотен спасенных мною храмов – храм Василия Блаженного на Красной площади. Каганович хотел взорвать его, но я не дал ему это сделать.

– Какую должность вы тогда занимали?

– Я работал в ГПУ. С моим мнением считались.

– Не могу не задать еще один вопрос. Насколько я знаю, в то время существовали ограничения на прием на работу в органы дворян и священнослужителей? То, что вы бывший священник, не смутило ваших новых работодателей?

– В точку попала. Пришел я устраиваться в ЧК. Дали мне заполнять анкету. Я, конечно, не дурак, чтобы сам себя подставлять. Написал, что я – коммунист, участник штурма Зимнего дворца (на самом деле в момент его штурма я был православным священником и публично проклинал большевиков с амвона). Про своего отца написал, что он революционер. Погиб на царской каторге. Это была частичная правда. Батя у меня действительно сгинул в тюрьме, куда попал за растление одного красивого мальчика из церковного хора. Про мамку указал, что она – пролетарий, всю жизнь проработала кочегаром на паровозе и умерла от тяжелого физического труда. На самом деле, мамка у меня из благородного дворянского рода. Зарабатывала на жизнь карточным шулерством. В 1915 году проигралась вдрызг и была вынуждена, как благородная женщина, застрелиться. Я ее лично не знал, ибо она в России была в розыске и жила в Европе. Времена тогда были горячие, так что проверять меня особо было некогда. Плюс в отдел кадров позвонил товарищ Сталин, который, как я уже сказал, хорошо знал моего отца, качал меня в люльке и теперь принял участие в моей судьбе.

- Другими словами, вам помог устроиться на работу Сталин?
- Он самый. Незабвенный Иосиф Виссарионович.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ТАЙНЫ СТАЛИНА

– Вы хорошо знали Сталина?

– Я помню его еще с раннего детства. Мне тогда было три или четыре года. Он запомнился мне очень красивым юношей, гиперактивным, эдаким непоседой. Он все время о чем-то спорил, что-то кричал, часто доводил себя буквально до истерики. По характеру и поведению он был совершенно не похож на того Сталина, который правил потом в Кремле и почти не повышал голоса.

– У вас хорошая память. Помните, с кем встречались в три года!

– Мой отец и дед были тихими людьми. Поэтому Сталин врезался в мою детскую память! Он меня тогда очень сильно пугал своим поведением! В дом, где царила тишина и спокойствие, влетал какой-то сумасшедший человек и начиналась свистопляска. Конечно, я был потрясен!

– Вас он тоже запомнил, если помог устроиться в органы?

– Все произошло случайно. Как-то в восемнадцатом году я просматривал «Правду» и увидел там фотографию советского правительства. На ней я сразу узнал Сталина (так я его хорошо запомнил). Я набрался смелости, пошел в Кремль и попал к нему на прием. Сталину нужны были свои люди в органах, и он помог мне с трудоустройством.

– Вы и дальше продолжали общаться?

– Мы дружили. Хотя наши отношения были скорее, как отца с сыном. Без преувеличения могу сказать, что я был, пожалуй, самым близким к нему человеком. Есть некоторые тайны его жизни, которые знаю теперь только я.

– Поделитесь?

– Мало кто знает, что Сталин всю жизнь писал стихи, сказки для детей, любил петь, обожал дружеские застолья. Среди сотен песен, которые он знал наизусть: «Сулико», «Семь сорок» и «Поручик Голицын». До сих пор помню, как он с надрывом пел: «Раздайте патроны, поручик Голицын! Корнет Оболенский, налейте вина!». Ворошилов при этом всегда подливал нам вина (такая у нас была традиция). Поэтому мы со Сталиным звали его между собой корнетом Оболенским.

– Извините, Александр Николаевич, но я читала, что песню «Поручик Голицын» написал шансонье Звездинский в семидесятые годы двадцатого века. Сталин никак не мог знать ее.

– Выходит, что я маленько перепутал. Неважно. Я просто хотел сказать, что Сталин очень любил песни.

– Вам нравился Сталин, как человек?

– Очень.

– Что вас в нем привлекало?

– Он был очень верным в дружбе человеком. Если ты был ему настоящим другом, то мог положиться на него во всем. Очень тяжело он переживал измены друзей. Не было для него ненавистней человека, который предал дружбу.

– Много у него было друзей?

– Вначале, да. Например, я, Орджоникидзе, Каменев, Бухарин, корнет Оболенский. Хотя корнета Оболенского Сталин считал глупым человеком и дружил с ним меньше, чем с другими. Кстати, сейчас многие считают, что лучшим другом Сталина был Молотов. Это не имеет ничего общего с действительностью! Сталин Молотова не любил. Часто называл его «каменной задницей» за бюрократизм. Другое дело, что Молотов очень любил Сталина. В конце жизни вождя из всего его ближнего круга, только Молотов и я продолжали любить его (хотя я уже меньше). Все остальные в тайне ненавидели, боясь, что он их расстреляет. Признаться, я тоже стал немного побаиваться. Поэтому решил не вмешиваться, когда его убивали.

– Убивали?!

– Да. Бывший друг Берия. Сталина вообще часто предавали близкие люди. Такая, видимо, карма. Началось все с Каменева на 14 съезде партии!

– Извините, я плохо ориентируюсь в съездах коммунистической партии. Когда был этот съезд, и что на нем произошло?

– В 1925 году. Зиновьев и Каменев (на тот момент лучшие друзья Сталина) неожиданно коварно выступили против него. К своему заговору они подбили всю ленинградскую парт-организацию (ей руководил Зиновьев) и вдову Ленина, Надежду Крупскую. Тогда Сталину с большим трудом удалось отбить атаку. С тех пор он стал относиться к выбору друзей гораздо осторожней, да и с нами (старыми друзьями) прежней душевной близости уже не было. Мне кажется, что-то надорвалось у него внутри. В душе появилась рана, и с каждой новой изменой она становилась все больше!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПРОКЛЯТАЯ КВАРТИРА

– Страшнейшим ударом для Сталина стала измена Серго Орджоникидзе. Ведь он знал его тысячу лет! Еще с Кавказа! Это Серго привел Сталина в партию, провел в ЦК. Всегда поддерживал во внутривластных разборках с Троцким и Зиновьевым! И тут возникла эта история с проклятой квартирой!

– С какой квартирой?

– Зашел однажды Серго к Сталину в гости. Начали они что-то отмечать. Праздновали широко, как принято на Кавказе. Колбасились несколько дней. На телефонные звонки не отвечали. Казенного курьера, который к ним с секретным пакетом пришел, спустили с лестницы. Михаил Иванович Калинин, председатель ЦИК, гулял по территории Кремля, свежим воздухом дышал. Они в него стали плевать из окна! Угрожали избить! В конце концов, политбюро постановило, чтобы я их утихомирить. Захожу в квартиру. Картина Репина! Дым коромыслом! Сталин с Серго сидят за столом и орут во все горло «Поручика Голицына». Я кричу: «Война!!!». Только так их смог успокоить.

– На самом деле войны не было?

– Точно не помню. Может, и была. Серго тут же протрезвел. Засобирались к себе в наркомат. Вдруг Сталин кричит: «Что загрустили мой юный корнет?! Хочу сделать тебе приятное, Серго. Дарю эту квартиру. Будь в ней счастлив!». Тут же собрал свои вещи (гитару, старые валенки, заштопанную шинель), взял жену с детьми в охапку и ушел жить в дворницкую (в подвал этого же дома). Так они там и жили потом год или два. В конце концов, Надя (жена Сталина) не выдержала житейской неустроенности и покончила с собой!

– Ужас какой. Я не понимаю. Сталин был руководителем страны. Разве он не мог взять себе любую квартиру, какую только захочет?

– В жилотделе ЦК, который занимался распределением жилой площади для ответственных работников, по карточкам учета выходило, что у Сталина отдельная пятикомнатная квартира. Официально ведь квартира, где теперь жил Серго, продолжала числиться за Сталиным.

– А забрать квартиру обратно у Орджоникидзе?

– Даренное возвращать нельзя (закон Кавказа).

– Вы утверждаете, что Сталин жил в каморке?

– В дворницкой. Подвальный этаж. Восемь квадратов. Без окон. Соседи сверху вечно заливали. Сам Сталин – кремень. Он все, что угодно мог вытерпеть. А вот жена его, Надя, совсем извелась. В конце концов, взяла пистолет и ушла, как говорится, в мир иной!

– Странно. А что у Орджоникидзе не было своей квартиры?

– В том то и дело, что была. Сам Орджоникидзе был очень хорошим человеком. Он не раз говорил Сталину, что ему эта проклятая квартира не нужна. Но Сталин даже слышать ничего не хотел.

– Потом они помирились?

– Нет. Серго, конечно, видел, как Сталин к нему переменялся (особенно после самоубийства Нади). Он, естественно, просек, что Сталин хочет его убить, и, в свою очередь, решил действовать. В 1934 году проходил 17 съезд партии. Его называли съездом победителей. Мы тогда почти с нуля построили промышленности. Создали колхозы. Перевооружили армию. Все были очень довольны. Даже за границей капиталисты поражались «советскому чуду». Только Сталин с Серго продолжали шипеть друг на друга. Серго прямо во время съезда собрал своих друзей, а их у него было гораздо больше, чем у Сталина. На этом тайном собрании он предложил снять вождя с должности генерального секретаря партии.

– Ого!

– Мотивировал тем, что Сталин хотя очень эффективный менеджер, но очень злой. Когда Сталин узнал об этой агитации, а узнал он незамедлительно, то тут же приказал мне убрать Серго. Это был единственный случай, когда я намеренно тянул с выполнением приказа. Так мне нравился Оржоникидзе. Красавец мужчина! Веселый, умный с большим чувством юмора! Я долго дурил Сталину голову, что якобы Серго принимает противоядия. Убил я его только в 1937 году, когда Сталин совсем замучил меня, и деваться мне было некуда.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ЗАГОВОР ТРОЦКОГО И Я

– Вы не боитесь так просто рассказывать об убийстве?

– Не боюсь. Срок давности прошел. Потом, честно признаюсь, мне давно хочется исповедаться. Я – православный человек, которому скоро стукнет девяносто пять. Пора подумать о вечном. Однако мой духовник (один архимандрит) – сотрудник Федеральной службы контрразведки. Боюсь, что, если я ему все расскажу, эта информация через пару дней ляжет на стол президента. Мне бы этого очень не хотелось.

– Понимаю вас, но я не священник, чтобы исповедовать.

– У тебя хорошие добрые глаза. Будем считать тебя моим духовником, а мое интервью исповедью. Согласна?

– Хорошо.

– Если же ты отнесешь мои откровения в контору, там тебе никто не поверит. А даже если поверят, сразу замочат, как свидетеля. Врубилась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.